

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 340 (091)(075.8)

Козловская В.И.

Московский государственный областной университет

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ АРИСТОТЕЛЯ: УЧЕНИЕ О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПЕРЕВОРОТАХ

V. Kozlovskaya

Moscow State Regional University

ARISTOTLE'S POLITICAL AND LEGAL VIEWS: COUP D'ETAT THEORY

Аннотация. В отличие от общих постулатов Сократа и Платона о государственном перевороте, Аристотель создал системно и логично выстроенное, убедительно аргументированное учение. В нем исследован тот круг вопросов, который и сегодня сохраняет свое академическое и даже научно-практическое значение: цели, источники, причины и поводы государственных переворотов, их характер и виды, масштабы и последствия. Особое внимание уделено вопросу о механизмах самосохранения полиса и о превентивных мерах, из которых автор ставит на первое место право, законы и систему воспитания.

Ключевые слова: государственный переворот, принцип историзма, системный подход, полис, государственное устройство, аристократия, демократия, монархия, олигархия, право, закон, воспитание.

Abstract. Unlike Socrates and Plato who made merely general postulates on state overthrows Aristotle created a system logical and convincingly argued theory. It covered the range of issues which still preserve their theoretical and practical value: the purposes, sources, causes and occasions of overthrows, their characteristic features and kinds, scales and consequences. Special attention is paid to the mechanisms of polis self-guarding and preventing measures among which the author rates justice, law and the system of education as principal.

Key words: coup d'etat, principle of historicism, system approach, polis, state system, aristocracy, democracy, monarchy, oligarchy, law, legal act, education.

В отечественном аристотелеведении, включая его современный российский вариант, практически отсутствуют специальные работы о политико-правовых представлениях знаменитого античного философа. В 1970-х гг. А.Ф. Лосев писал: «Поразительно, что развитием мысли самого Аристотеля почти не занимались, тогда как о Платоне в этом отношении написано очень много» [13, с. 14]. Априори принятая оценка взглядов этого мыслителя, как типичного питомца греческой культуры и архаического знания, развивающего соответствующие идеи Сократа и Платона, явно нуждается в проверке [21, с. 413]. Под сомнение она

поставлена, пожалуй, лишь ведущим отечественным специалистом-аристотелеведом А.И. Доватуром [6, с. 38]. Но даже этот автор обходит вниманием учение Аристотеля о государственных переворотах. Тем более, что это наблюдение относится к работам его известных предшественников [4; 19; 17; 9].

Понимая всю необходимость корректного использования принципа историзма и метода ретроспекции, мы считаем, тем не менее, возможным утверждать непреходящую ценность Аристотелева учения о государственных переворотах. Несмотря на то, что опора на прошлое есть во многом «методологический анахронизм» [21, с. 402-404; 22, с. 605], мы уверены, что многие из предложенных античной наукой моделей – это своего рода схемы и стандарты (своего рода «велосипеды»), которые не следует изобретать; они уже есть, хотя и нуждаются в соответствующем, конструктивном восприятии. Заметим, что более красноречивых примеров в этой научной полемике, чем значение римского права, римской юридической науки и наук об этике и судебном красноречии, созданных Аристотелем и углубленных Цицероном, благополучно существующих в наше время, для юриста трудно отыскать. Таким образом, избранная тема представляется актуальной как с академической, так и с научно-практической точки зрения.

В попытке осмысления учения Аристотеля о государственных переворотах воспользуемся его фундаментальным политологическим трактатом «Политика». Все его восемь книг содержат пространный материал для исследования избранной темы, а объемная и обстоятельная V книга целиком посвящена ей [3, с. 376-645]. Мы не будем останавливаться на характеристике этого труда как источника, поскольку ее убедительный вариант содержится в сохраняющих в этом плане научное значение источниковедческих работах В.П. Бузескула, А.И. Доватура, Ф.А. Лосева [4; 6, с. 38-53; 13, с. 32]. Отметим, однако, что вызывающая почтение энциклопедическая эрудированность античного исследователя явилась не только следствием его образцо-

вого семейного воспитания в духе греческих духовных и гражданских ценностей, его таланта и обучения в Академии Платона, но и богатого жизненного опыта, приобретенного на основе знания государственного устройства греческого полиса, его эволюции, метаморфоз и трансформаций, с одной стороны, и македонской монархии, с другой.

Новаторскими были подходы Аристотеля к теме и методы ее исследования. В отличие от Сократа и Платона, он, стремясь предложить современникам модель и механизм реконструкции пришедшего в упадок полиса, использует в первую очередь структурно-системный подход, создателем которого он сам к тому же и является (3, I. 2. 1252a 3-5; V. 10. 1316b 5-6 – VI. 1. 1317a 2) [13, с. 19, 217, 230, 235-238; 21, с. 153]. Изучая полис как систему, исследуя механизм и последствия ее функционирования, Стагирит никогда не упускает из вида его цивилизационный код – античный по своей сути, а не древневосточный. Объект его интереса – греческое общество и государство, которое возникло и развивалось на базе института гражданства и, как следствие, было детищем граждан, не ведавших традиционных для Древнего Востока отношений подданства.

Инновационный вариант применения принципа историзма также связан с именем Аристотеля: он выделил в нем исторический компонент и в итоге трактовал его как сравнительно-исторический метод. Этим методом он пользовался и в обосновании теории государственного устройства, и в изучении государственного переворота как явления (3, V. 1. 1261b-6. 1269a). Античный политолог – мастер привлечения возможностей введенных Сократом и Платоном методов оппозиции, ретроспекции, анализа и синтеза, а также диалектико-аподиктического подхода, как основы мышления. В своей политико-правовой теории он отводит большое место закону о причинно-следственных и причинно-целевых связях, роль которых в политической истории была открыта еще Геродотом и научно обоснована его конгенитальным младшим современником Фукидидом [14, с.

157; 13, с. 239; 10, с. 31]. Важность этого теоретического «рычага» Аристотель учитывает, в частности, при реконструкции механизма зарождения и развития переворота, а также для обоснования превентивных мер. Силлогический метод и логика ученого, создателя этой науки, также обстоятельны [11, с. 165]. Как видим, научно-теоретический потенциал Аристотеля весьма солиден.

Каковы взгляды Аристотеля на государственный переворот как явление, и образуют ли они систему? Каково ее взаимодействие с другой системой – государственное устройство полиса? Или его взгляды – своего рода механическая сумма отдельных, пусть и важных представлений автора? Насколько они оригинальны и какую роль они сыграли в политической истории и политологии? Укажем, кстати говоря, что сам Стагирит, приступая к изучению темы, сформулировал тот круг вопросов, которые и сегодня во многом сохранили свое научное и практическое значение. Это причины и поводы государственных переворотов, их характер и виды, масштабы и последствия, механизмы самосохранения государственных устройств и превентивные меры (3, V. 1. 1301a 1-2. 1302b 3). В постановке проблемы греческий мыслитель счел целесообразным привести собственное определение государственного устройства, или политики: «Это распорядок в области организации государственных должностей вообще, и в первую очередь верховной власти: верховная власть повсюду связана с порядком государственного управления, а последний и есть государственное устройство. Я имею в виду, например, то, что в демократических полисах верховная власть – в руках народа; в олигархиях, наоборот, в руках немногих... С этой точки зрения мы будем судить об остальном» (3, V. 4. 1278b 1).

Учитывая огромный объем источниковой информации, отдадим предпочтение вопросу о государственных переворотах в олигархических полисах. Такой ракурс объясняется тем, что в условиях перехода Греции IV в. до н. э. от полисного периода истории к раннеэллинистическому (с ведущей ролью

монархий) полисы именно этого типа, как считает Аристотель, испытали не виданные ранее потрясения, и одно из наиболее сильных – это потеря суверенитета государством и, следовательно, свободы личности. Исходная точка зрения Аристотеля состоит в следующем: «при создании большей части видов государственного устройства царило общее согласие насчет того, что они опираются на право и предполагают относительное равенство» (3, V. 1. 1301a 2). Однако, как продолжает автор, в понимании равенства допускались ошибки: 1. Демократическое устройство исходило из того, что «равенство в каком-нибудь отношении влечет за собой и равенство вообще», а равенство по достоинству, как гражданская добродетель, составляет суть справедливости (1, 33. 1. 194b 5-15; 3, V. 1. 1301a 27-1; 1302a 4), справедливость же – это суть закона (3, III. 11. 1287a 16-32). Следовательно, все свободнорожденные, будучи гражданами, равны в своем полисе. 2. Олигархический строй руководствуется тем постулатом, что «неравенство в одном отношении (в имущественном) обуславливает и неравенство вообще». «По этой причине те и другие граждане, ... раз они не получают своей доли в государственном управлении, поднимают мятеж» (3, V. 1. 1301a 1). Так из первоисточников внутренних междоусобиц «зарождаются мятежи» – выступления (в том числе вооруженные) вследствие заговора против государственной власти, резюмирует автор (3, V. 1. 1301a 2).

К числу причин этого Стагирит относит, прежде всего, три: 1. «Настроения людей, поднимающих мятеж», как стремление к равноправию или, напротив, к неравенству и превосходству. 2. «Ради чего?» Из стремлений к прибыли и почестям, а также из опасения утраты гражданских прав либо, напротив, из стремления к их приобретению. 3. «С чего, собственно, начинаются политические смуты и междоусобные распри?». В ответе на эти вопросы Аристотель оперирует понятием повода. Для него это вражда либо наглость, страх, превосходство, презрение, возвышение, лишение собственности, коры-

столюбие власть имущих, которые провоцируют население на враждебное отношение и к ним, и «к тому государственному устройству, которое дает им эту возможность» (3, V. 2. 1302a 1-4). «Особенное значение приобретают мелкие неурядицы в том случае, если они возникают среди лиц высокопоставленных», а «расхлебывать приходится всему полису» (3, V. 2. 1303b 1). «Поэтому нужно принимать меры предосторожности против такого рода явлений, ... стараться примирить враждующих между собой правителей и могущественных лиц», ибо любое начало, в том числе и вражды, – «половина всякого дела» (3, V. 3. 1303b 2). К числу наиболее важных поводов Стагирит относит раздоры в среде «высокопоставленных лиц» по конкретным вопросам, но воспринимающимся ими серьезными, угрожающими их личным интересам. Это, прежде всего, судебные разбирательства, например, из-за нежелания платить наложенный штраф (3, V. 2. 1302a 2), это судебные приговоры и соперничество не только за власть, но даже из-за возлюбленного или будущей супруги (3, V. 2. 1303b 11-3.-1304a 4) и т. д.

В анализе вопроса о видах государственных переворотов Аристотель исходит из следующего тезиса. Они бывают «двоякого рода: иногда посягают на существующее государственное устройство, чтобы заменить его другим» (3, V. 1. 1. 1301b 4-5), или на него «не посягают, но стремятся сами взять в свои руки правление». Мятежники могут преследовать и иную цель: «укрепить или ослабить государственный строй» либо «произвести частичное изменение в государственном устройстве, например учредить или упразднить какую-нибудь должность» (3, V. 1. 1301b 4). Характер и механизм государственного переворота вне зависимости от вида государственного устройства полиса варьируется в соответствии с конкретными обстоятельствами, но общими признаками, по мнению Аристотеля, остаются либо насилие, либо обман. При этом «к насилию прибегают или непосредственно с самого начала, или, применяя принуждение, по прошествии времени».

Обман «тоже бывает двоякого рода: иногда, обманув народ, производят переворот с его согласия, а затем, по истечении времени, насильственным путем захватывают власть уже против воли народа». Этот вариант Стагирит связывает с «необузданностью демагогов», которые «объявляли себя ненавистниками богатых» и, путем их изгнания–остракизма приобретя доверие демоса, захватывали высшие должности и ставили себя и народ «выше самих законов». Так классическая (или правильная, по определению Аристотеля) олигархия изживала себя, хотя изгнанники по возвращении, как правило, стремились восстановить ее, возлагая большие надежды а) на своих сподвижников-демагогов и б) на содействие народа (3, V. 4. 1304b 8).

Если во главе заговорщиков-олигархов оказывался демагог в должности военачальника, то, поддерживаемый соратниками, он устанавливал тиранию. Анализ конкретной истории этого вида греческих полисов приводит Аристотеля к выводу о том, что «едва ли не большая часть древних тираний происходила из демагогов» (3, V. 4. 1305a 3). Олигархия могла трансформироваться в тиранию и иным способом: если во время войны народное собрание, руководимое олигархами, наделяет полномочиями верховного командующего наемного войска кого-либо из олигархов, то он стремится воспользоваться этим для захвата единоличной, тиранической власти. Нередко, уточняет Аристотель, олигархи из страха политической конкуренции и взаимного недоверия друг к другу «предоставляют и народной массе участие в управлении». Так олигархия, вынужденно вобрав в себя демократический компонент, приобретает умеренный характер, сохраняя представителей демоса в составе народного собрания, а за собой – полномочия по руководству его деятельностью. Этот вариант умеренной олигархии Аристотель определяет как одну из разновидностей политики и считает ее особенно популярной в полисах колониального типа, где беднота нередко составляет угрожающее большинство, а «внутри олигархии царит согласие» (3, V. 3. 1306b 11).

Если внутри олигархии «образуется другая олигархия», то первая разрушается и в ней / из нее возникает крайняя форма этого устройства с немногочисленным полноправным населением и с допуском на высшие должности лиц исключительно из его числа. Эта разновидность государственного устройства обычно трансформировалась в династическое правление, как это произошло, например, в древней Спарте (3, V. 5. 1306a 8). Оценивая историческое значение данного вида государственного полисного устройства, Стагирит лишь замечает, что впоследствии многие из таких форм правления были ниспровергнуты «вследствие того, что носили слишком деспотический характер» и вызывали «раздражение даже со стороны некоторых пользовавшихся всеми правами лиц» (3, V. 5. 1306b 10). Если же «внутри олигархии царит согласие», – акцентирует внимание мыслитель, – «тогда она нелегко разлагается сама собой» (3, V. 5. 1306a 7). В заключение анализа причин, обстоятельств и механизмов осуществления государственных переворотов в демократиях и олигархиях Аристотель утверждает, что как первые, так и вторые «переходят иногда не в соответствии им противоположный строй, но в однородный; например, из демократий и олигархий, ограниченных законами, рождаются их ничем не ограниченные виды, и наоборот» (3, V. 5. 1906b 12).

Специальное внимание отводит Стагирит вопросу о том, можно ли спасти существующее государственное устройство и каким способом? Философ заявляет: «Прежде всего, ясно, что если нам известны причины, ведущие к гибели государственных устройств, то мы тем самым знаем и причины, обуславливающие их сохранение: противоположные меры производят противоположные действия, а разрушение противоположно сохранению». В государственном устройстве, где «хорошо смешаны начала» (т. е. в политике), следует предохранять их, прежде всего, от правонарушений, которые к тому же «прокрадываются в государственную жизнь незаметно», и «обращать внимание на сохра-

нение всех мелочей» (3, V. 7. 1307b 1). Как создатель системного подхода и сторонник диалектико-аподиктического метода, Аристотель конкретизирует свой исходный тезис: правонарушения некоторое время могут оставаться незаметными, поскольку «расход совершается не сразу и этим рассудок вводится в заблуждение. Получается «вроде софистического вывода: если каждая отдельная часть мала, то и целое невелико, ... но ведь целое, взятое во всей его совокупности, не мало, оно лишь состоит из мелких частей» (3, V. 7. 1307b 2).

В комплексе спасительных мер Стагирит ставит на первое место обязанность должностных лиц «сочувственно» относиться к государственному строю, «иметь большие способности к выполнению должностных обязанностей и отличаться добродетелью и справедливостью соответственно виду государственного устройства» (3, V. 7. 1309a 14). Власти должны оказывать уважение к тем, «кто не причастен к полноправному гражданству», и к обладающим им. Первых важно не притеснять, а тех из них, кто способен к управлению государством, «вводить в состав полноправного гражданства». Честолюбивых граждан не следует ущемлять в том, «что касается чести», а народную массу в целом – «в ее материальных интересах» (3, V. 7. 1308a 3). Если полноправные граждане численно преобладают над неполноправными, то «большую пользу приносят некоторые из демократических узаконений». В качестве конкретной меры Аристотель приводит «избрание должностных лиц на полгода» (в более или менее крупных полисах – на 2-4 года), чтобы весь демос пользовался этим правом и не генерировал бы из своей среды демагогов. Краткосрочность пребывания у власти – это важный способ сохранения государственного устройства, поскольку он препятствует возможности «творить зло», ведет к сокращению распри и соперничества, которые к тому же важно предупреждать, как и зло, законными способами (3, V. 7. 1308a 3).

Сохранению государственного строя способствует не только «удаленность от всякого

разрушающего начала, но иногда и сама близость последнего». «Внушая страх, она побуждает тверже держаться имеющегося государственного устройства». Поэтому власть должна «возбуждать у граждан разные опасения, чтобы те охраняли государственный строй и не разрушали его» (3, V. 7. 1308a 5). Во избежание попыток государственного переворота особое значение имеет имущественно-цензовая политика государства. Важно следить за состоянием денежной массы, ежегодно осуществляя оценку имущества. Если оно возросло или, напротив, уменьшилось, то, предлагает Стагирит, соответствующим законом необходимо увеличить или уменьшить ценз (3, V. 7. 1308a 6). Другой высоко-результативный способ – «это посредством законов и остального распорядка устроить дело так, чтобы должностным лицам было невозможно наживаться». Аргументом Аристотелю служит следующая констатация: «масса, отстраняемая от участия в государственном управлении, не очень уж негодует по этому поводу, напротив, она даже довольна, если каждому предоставлена возможность заниматься своими частными делами; но если она думает, что правители расхищают общественное добро, тогда ей горько, что она не пользуется ни почетными правами, ни прибылью» (3, V. 7. 1308b 9). Предлагаемый «рецепт» не кажется Стагириту сложным в исполнении. Чтобы избежать расхищения общественного достояния, передача денежных средств «должна происходить регулярно, в присутствии всех граждан и копии должны храниться в органах местной власти» (3, V. 7. 1309a 11).

При разнообразии конкретных способов сохранения государственного устройства обязательными для них всех являются следующие: 1. Никого не возвеличивать сверх меры, хотя многим давать небольшие почести и на продолжительное время. При необходимости отнять их, важно делать это со всеми одновременно и сразу. 2. Наиболее усилившихся во влиянии «лучше удалять за пределы государства», контроль («надзор») должен осуществлять специально установ-

ленный орган власти. 3. Забота о сохранности среднего слоя, т. е. состоятельных людей, как обеспечивающих сохранность государственного строя (3, V. 7. 1308b 7-7–1309a 10-3; 1309b 10). Столь же необходимым условием является, по мнению Аристотеля, «неоднократно упоминавшееся правило – следует наблюдать за тем, чтобы часть населения, которая желает сохранения существующего строя, была сильнее той, которая этого не желает, ... не должно упускать из виду ... именно средних граждан» (3, V. 7. 1309b 16). Роль ключа в деле сохранения, равно как и спасения, государственного строя играет закон, и об этом говорится на протяжении всего трактата. В этом убеждении он однозначен: «Вообще всё то, что в законах является, по нашему утверждению, полезным для государственного строя, то служит и к его сохранению» (3, V. 7. 1308b 7-7 – 1309a 10-13).

Основа прочности и сохранности полиса – «это воспитание в духе соответствующего государственного строя». Аристотель с горечью отмечает, что этим средством «ныне все пренебрегают», хотя, как говорит он, задача воспитания – дать возможность молодым гражданам поддерживать устройство своего полиса (3, V. 7. 1310a 19). Никакой пользы не принесут самые полезные законы, единогласно одобренные всеми причастными к управлению государством, если граждане не будут приучены к государственному порядку и в духе его воспитаны» (3, V. 7. 1310a 20). В свете заявленной позиции неудивительно, что проблеме воспитания Аристотель целиком посвятил VIII книгу «Политики», а также ряд других серьезных трудов. Стержнем в теории воспитания является убежденность автора в том, что все способности и искусства, в том числе и в деле управления государством, «требуют для их применения предварительного воспитания и предварительного приучивания». Гражданское воспитание должно быть не только обязательным, но и единым и одинаковым для всех, и «забота об этом воспитании должна быть общим, а не частным делом, как теперь», ибо все граждане принадлежат полису – обществу и государству.

Полис должен издавать специальные законы, «касающиеся граждан и государства» (3, VI. 8. 1337a 1).

В своем варианте идеального полиса Аристотель определяет цель воспитательно-образовательной политики, как «лепку самого себя» в прямом соответствии с понятием блага, т. е. счастья. Этот духовно-этический идеал Стагирит строит на своем учении о мере как соразмерном единстве идеального и духовного мира, и на понятии добродетели гражданина среднего достатка как идеального члена идеального полиса – политики (3, V. 8. 1337a 1) [13. с. 219-221; 20, с. 125-128, 155-157]. Идеальный гражданин, по мнению Аристотеля, должен быть собственником среднего достатка: «У средних множество благ, в государстве желаю быть средним». В качестве комментария автор уточняет, что «наилучшее государственное общение – то, которое достигается посредством средних, а те государства имеют хороший строй, где средние представлены в большем количестве, где они ... сильнее обеих крайностей или, по крайней мере, каждой в отдельности. Соединившись с той или другой крайностью, они обеспечивают равновесие и препятствуют перевесу противников». Величайшее благополучие для полиса – это «чтобы его граждане обладали собственностью средней, но достаточной...»

Очевидно, повторяет свою мысль Стагирит, акцентируя тем самым ее дидактическое воздействие на общество, что «средний вид государственного строя наилучший, ибо только он не ведет к внутренним распрям». Наилучшие законодатели тоже «вышли из граждан среднего круга» (3, IV. 9. 1295b 7 – 1286a 9; 10. 1297a 4). Средний достаток из всех благ «всего лучше», ибо при его наличии легче всего повиноваться доводам разума. «Напротив, трудно следовать этим доводам человеку сверхпрекрасному, сверхсильному, сверхзнатному, сверхбогатому или, наоборот, человеку сверхбедному, сверхслабому, сверхуниженному по своему общественному положению. Люди первого типа становятся по преимуществу наглецами и крупными

мерзавцами. Люди второго типа часто делаются злодеями и мелкими мерзавцами... Сверх того, люди обоих типов ...ревностно стремятся к власти, а то и другое приносит полисам вред». Это происходит потому, резюмирует Аристотель, что «одни не способны властвовать, ...другие же не способны подчиняться никакой власти... Получается полис, состоящий из рабов и господ, а не из свободных людей, государство, где одни исполнены зависти, другие – презрения» (3, V. 9. 1295b 3-6).

Таким образом, наряду с гражданским воспитанием, важнейшая роль должна принадлежать духовно-этическому с его осевой ролью закона о «золотой середине». Неудивительно, что из наук, на которых обязаны воспитываться граждане, Аристотель считает обязательными этику (как раздел философии), историю, социологию, политологию, филологию (литературу и риторiku), психологию, а также физическую культуру и музыку, как предназначенные для гармоничного развития разума, силы, духа и воли. Автор убежден, что эти науки должны преподаваться в любом учебном заведении, создателем многих из них он является, их он апробировал в Академии Платона и, позже, в своем Ликее.

Подводя общие итоги, можно сказать, что Аристотель сам осознавал свою роль в изучении государственного переворота как явления греко-полисной истории. Отдавая инициативу Сократу, он, тем не менее, характеризует его теорию как неудачную (3, V. 10. 1316a 1). Причиной неудачи является, по его мнению, дефицит внимания Сократа к переворотам в государствах с наилучшим правлением – в политике и демократии, и, с другой стороны, его концентрация на тех, которые осуществляются в типологически иных, противоположных полисах и к тому же «людьми негодными и не поддающимися никакой культуре». В отличие от разрозненных идей и общих постулатов Сократа и Платона о государственном перевороте, Стагириту удалось создать вполне упорядоченное, системно и логично выстроенное, убедительно

аргументированное учение. Его ключевые положения нередко затруднительно оспорить даже современному специалисту, хотя серьезное аналитическое исследование этого учения поможет сделать много научных открытий и обогатить конкретно-историческую практику.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. Большая этика / пер. Т.А. Миллер. – М.: Наука, 1984. – С. 295-374.
2. Аристотель. Никомахова этика // Сочинения: в 4 т. Т. 4. / пер. Н.В. Брагинской. – М.: Наука, 1984. – С. 53-294.
3. Аристотель. Политика // Сочинения: в 4 т. Т. 4 / пер. С.А. Жебелева. – М.: Наука, 1984. – С. 376-645.
4. Бузескул В.П. «Афинская полития» Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V в. до н. э. – Харьков: Изд-во ХГУ, 1895. – 297 с.
5. Вебер М. Избранные сочинения: Политика как призвание и профессия / пер. с нем. А.А. Френкина. – М.: Наука, 1990. – С. 644-706.
6. Доватур А.И. Политика Аристотеля / Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. Политика. – М.: Наука, 1984. – С. 38-53.
7. Доватур А.И. Политика и полития Аристотеля. М.-Л.: Наука, 1965. – 287 с.
8. Донских О.А., Кочергин. А.Н. Античная философия. Мифология в зеркале рефлексии. – М.: Наука, 1993. – 240 с.
9. Кечекьян С.Ф. Учение Аристотеля о государстве и праве. – М.-Л.: Политиздат, 1947. 240 с.
10. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории: Автобиография. – М.: Наука, 1980. – 870 с.
11. Кочергин А.Н. Античная философия в зеркале рефлексии. – М.: Мысль, 1993. – 295 с.
12. Лейст О.Э. История политических и правовых учений: учебник для вузов. – М.: Зерцало, 2010. – 568 с.
13. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. – М.: Мысль, 1975. – 776 с.
14. Немировский А.И. У истоков исторической мысли. – СПб: Алетейя, 2008. – 301 с.
15. Нерсесянц В.С. История политических и правовых учений: учебник для вузов, 4-е изд., перераб и доп. – М.: Норма, 2003. – 934 с.
16. Нерсесянц В.С. Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов. – М.: Норма, 2009. – 813 с.
17. Никитский А.В. «Афинская полития» Аристотеля. – М.: Изд-во МГУ, 1907. – 297 с.
18. Парето В. Трактат по общей социологии: в 3 т. / пер. Т.В. Павловой. – М.: Мысль, 1994. – 427 с.
19. Покровский М.Н. Исследование по «Афинской политии» Аристотеля // Философское обозрение. 1895. – Т. VIII. – С. 3-68.
20. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Античность / пер. С. Мальцевой. – М.: Петрополис, 2002. – 336 с.
21. Савельева И.М., Полетаева А.В. Теория исторического знания: учебное пособие. – СПб.: Алетейя, 2008. – 523 с.
22. Трельч Э. Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории / пер. с нем. – М.: Юрист, 1994. – 641 с.